

ОПЫТ АНАЛИЗА ДВУХ МОНГОЛЬСКИХ РУКОПИСЕЙ О ЦАРЕВИЧЕ НОРСАНЕ

An Attempt of Analysis of Two Mongolian Manuscripts about Prince Norsan

С. В. Мирзаева (S. Mirzaeva)¹

¹ аспирант Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Post-graduate Student at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kundgabo@list.ru.

В статье рассматриваются два монгольских рукописных текста о царевице Норсане из хранилищ г. Улан-Батора, дается описание содержания текстов, указываются особенности их орфографии, лексики и синтаксиса. На основе текстологического анализа автор делает вывод о том, что они представляют собой перевод неизвестной тибетской версии «Джатаки о царевице Норсане». Сам же перевод определяется как дословный, поскольку для него характерно следование тибетскому оригиналу и нарушение грамматических норм монгольского языка.

Ключевые слова: джатака, Норсан, письменные версии, переводная литература, монголоведение, тибетология.

The article considers two Mongolian manuscripts under the same heading “Urida bolson üges-ün tuuli / čikin-ü čimeg neretü bodisadu qayan Norsan kiged / ökin ngri Yidbrogma-yin qarilčan ögüleksen-e anu sayin bolumui” (“The story is about what had happened before – a good talk of Norsan, the King Bodhisattva with the name “Decoration of the hearing” and Idprogma, the Heavenly Maiden”) taken from the storage of one of the libraries in Ulaanbaatar. These manuscripts are a translation of the Tibetan “The Jataka tale about the Prince Norsan”. This Jataka is of Indian origin (in the Indian tradition — “Jataka or avadana about the Sudkhan Prince”) and it is well known in the literary traditions of Tibet and Mongolia. In Mongolia, “The Jataka tale about the Prince Norsan” became well-known after its translation by Kangyur (“translated words”, consists of works supposed to have been said by the Buddha himself) but originally it existed in the form of separate manuscripts and was popular in the oral tradition of the Mongols. However, despite its popularity in Mongolian literature, “The Jataka tale about the Prince Norsan” has not been studied yet.

The article gives a brief summary of the text of both manuscripts. After studying the manuscripts and revealing small differences in spelling and lexis, we came to the conclusion that they are the copies of the same translation of a Tibetan version of “The Jataka tale about the Prince Norsan”, still unknown to the contemporaries. Besides, the author analyzed some peculiarities concerning orthography, lexis and syntax of the given texts. Among the peculiarities found within the spelling of the manuscripts there were phonetic transliteration used by the unknown author for the translation of Tibetan proper and geographical names, and the Tibetan glosses which were written between the lines of the text. Some of the described peculiarities, in particular, postpositive attribute in relation to the attributive word, which is not typical for the Mongolian language, as well as the use of the verb *üiledkü* (‘do’) used in an unusual function, the function of an auxiliary verb, more typical for a Tibetan verb *byed pa* of the same meaning, refer this version to the literal translation, which is characterized by a strict adherence to the original Tibetan text. Thus, on the basis of the textual analysis we can conclude that there were different translation techniques used by the Mongols in their translation from Tibetan.

Keywords: Jataka tale, Norsan, written versions, foreign literature in translation, Mongolian studies, Tibetan studies.

«Повесть о царевице Норсане (Манибадре)» — одно из распространенных переводных произведений монгольской повествовательной литературы XVII–XVIII вв. Эта повесть восходит к индийской джатаке¹,

¹ Джатака (*санскр.* jātaka) — повествование о прошлых жизнях Будды Шакьямуни.

или авадане², о царевице Судхане, которая в составе сборников джатак была переведена на тибетский, а затем и на монгольский язы-

² Авадана (*санскр.* avadāna, букв. ‘доблесть, подвиг’) — повесть о благочестивых или греховных деяниях и отражении их на последующих воплощениях совершивших их существ.

ки. Ее сюжет восходит к фабуле известной многим народам волшебной сказки о небесной девице-лебеди и царевиче и повествует о любви царевича Судханы (*санскр.* Sudhana, Manibhadra, *тиб.* Nor-bzang (bzangs), *монг.* Sayin ede-tü, Sayin erdene) к небожительнице-киннари¹ Манохари (*санскр.* Manohari, *тиб.* Yid 'phrog ma, *монг.* Sedkil-i buliyayçi). В монгольской литературной традиции эта джатака стала известна как «Повесть о царевиче Манибадре» (*монг.* Manibadara qan köbegün-ü тууји) и была достаточно популярна, о чем можно судить по множеству рукописных текстов, дошедших до наших дней. Кроме того, различными исследователями были записаны ее многочисленные фольклорные варианты [Поппе 1932: 126; Потанин 1883: 523–527; Санжеев 1931: 67; Дамдинсурэн 1976: 468].

Однако, несмотря на то, что «Повесть о царевиче Манибадре» широко представлена в письменной и устной традиции монголов, она практически не подвергалась изучению. Единственная работа, в которой описаны монгольские и тибетские версии этого памятника, — это статья Ц. Дамдинсурэна во втором томе «Обзора монгольской литературы» [Дамдинсурэн 1976: 411–484]. В ней перечислены все известные автору тибетские, монгольские и ойратские версии повести, рассмотрены три монгольских перевода джатаки о царевиче Норсане из сочинения Кармапы Ранджунг Дордже «Сто джатак Будды» (*тиб.* Sangs rgyas kyī skyes rabs brgya ba).

В одной из статей нами был приведен список всех письменных версий «Повести о царевиче Манибадре» на монгольском и ойратском письме, обнаруженных в хранилищах Санкт-Петербурга и Улан-Батора [Мирзаева 2014]. В данной работе мы рассмотрим две монгольские рукописи «Повести о Манибадре». Первая хранится в Монгольской Государственной Библиотеке в составе сборника [МГБ 2]², по условному названию Ц. Дамдинсурэна — «Монгольский сборник повестей о Манибадре» [Дамдинсурэн 1976: 442]. Сборник разделен на

¹ Киннары (*санскр.* kim-paras) — полубожественные существа, изображаемые как люди с конскими головами или птицы с головами людей. Принадлежат к свите Куберы и являются небесными певцами и музыкантами.

² Условные обозначения текстов приводятся в соответствии с нашей статьей [Мирзаева 2014].

шесть частей (*монг.* бүлүг), данная рукопись представлена во второй части (лл. 1b–6b).

Вторая рукопись была выявлена нами в библиотеке Института языка и литературы Академии наук Монголии [ИЯЛ 3]. Обе рукописи имеют одинаковое название — Urida bolson üges-ün tuuli / çikin-ü çimeg neretü bodisadu qayan Norsan kiged / ökin tengri Yidbrogma-yin qarilçan ögüleksen-e anu sayin bolumui [ИЯЛ 3: л. 1a] ('Рассказ о случившемся прежде — благая беседа царя-бодхисаттвы Норсана с именем «Украшение слуха» и небесной девы Идпрогмы'). Текст в обеих рукописях неполный, обрывается на середине повествования. Между этими рукописями есть незначительные различия, касающиеся орфографии и лексики, что позволяет рассматривать их как списки одной версии. Кроме того, во второй рукописи, вероятно, отсутствуют страницы, поскольку после четвертой страницы заметен пропуск в повествовании. Предварительное рассмотрение обоих текстов позволяет считать их списками одного перевода неизвестной нам тибетской версии «Повести о царевиче Манибадре», поскольку в них в той или иной степени представлен сюжет повести.

Повествование начинается с формулы поклонения Манджугоше (*монг.* jögele egeşigtü). Рыбак начинает рассказывать о двух царствах — Северной и Южной Нгаденпе³. Северное царство благоденствует, а жители Южного страдают от голода и раздоров. Царь южного царства Шорпа Шонну собирает подданных и спрашивает, знает ли кто-нибудь причину их неблагополучия. Из толпы выходит выживший из ума от старости столетний седовласый старец с синими глазами, опирающийся на посох (*монг.* teden-ü dotorača ötelejü mungqaysan jayun nasu kürügsen çayan toloyai köke nidütei tayau tuluyusan nigen ebügen [ИЯЛ 3: л. 2b]), и говорит: для того, чтобы Южное царство благоденствовало, царю нужно править в соответствии с Дхармой, а также необходимо призвать в их царство царя нагов Дживанцога, который живет в озере Бадмаджан в Северной Нгаденпе. Царь собирает заклинателей (тарничинов), чтобы узнать, как это сделать, и те говорят ему, что это может сделать лишь царь заклинателей Бурулга Дигджанг. Заклинатели приводят его к царю Южной Нгаденпы, и тот снабжает

³ Lnga ldan pa — наделенная пятью — перевод санскритского Pañçala.

его всем, что нужно для обряда призывания — железными гвоздями, пятицветной веревкой, целебным и ядовитым зельем и т. д. Необходимо также сделать водоем, похожий на озеро Бадмаджан. Царь собирает все необходимое, приказывает женщинам прясть шелковые веревки, мужчинам — ковать железные ритуальные ножи — пурбу, монахам — читать Ганджур. Царь нагов с помощью дара предвидения узнает, что его хотят увести в Южное царство, превращается в восьмилетнего мальчика и находит на берегу озера царя рыбаков Банлебджана. Он уговаривает его убить заклинателя, иначе Северная Нгаденпа лишится благоденствия. На этом повествование обрывается.

В процессе текстологического анализа данных рукописей мы рассмотрели особенности орфографии, морфологии и синтаксиса, характерные для этих текстов. Из орфографических особенностей рукописей очевидно обязательное использование диакритических точек для обозначения *š* перед *i* (*šitun*, *erkešiyel*, *maši*), написание *ng* вместо *n* (*engde*, *öngdür*, *üngdüsün* вместо *ende*, *öndür*, *ündüsün*). Отметим, что многие тибетские имена и названия даны в монгольской фонетической транслитерации, при этом некоторые из них снабжены тибетскими глоссами, вписанными между строк. Среди них имена персонажей и географические названия: названия Южного и Северного царств — *lhočoṅgadenba* (гlossa — *lho phyogs lnga ldan pa*) и *jängčoṅgadenba* (гlossa — *byang phyogs lnga ldan pa*), имя царя Южного царства — *Šorpa šongnučul* (гlossa — *shor pa gzhon nu tshul*), имя царя нагов — *Jivančoṅ* (гlossa — *skye ba sna tshogs*), имена рыбаков — *Banglebjan* (гlossa — *spang sleb 'dzin*) и *Dacanjan* (гlossa — *sgra can 'dzin*) и т. п.

Из лексических особенностей заметно, что в некоторых случаях переводчик перевел на монгольский, а в других оставил тибетские слова, транслитерированные монгольской графикой. Например, в текстах переведены все названия деревьев (*монг.* *balayun-a*, *poqai-yin qošiṅu*, *qusu*), но названия цветов и растений оставлены в тибетском звучании — *gürgüm* (*тиб.* *gur gum*), *lanmitoṅ*, *banjangarbu* (не идентифицированы). Для рассматриваемых текстов характерно использование вспомогательных глаголов, что демонстрирует стремление переводчика придерживаться дословного перевода. Использование вспомога-

тельных глаголов больше характерно для тибетского языка [Перих 1961: 100], в монгольском же языке подобные сочетания искусственны. Например, в тексте рукописей довольно часто употребляется глагол *üiledkü* ‘делать, творить’ — перевод тибетского *byed pa*, который в монгольском языке не имеет функции вспомогательного глагола [Цендина 2001: 58], — *bičün üiledsügei* ‘напишу-ка’, *nökürülen üiledümüi* ‘стану помощником’, *ogošiṅulun üiled* ‘прикажу разместиться’.

Из морфологических особенностей языка текстов можно указать неправильное, с точки зрения классического письменного языка, употребление некоторых формантов, в частности, аффикса винительного падежа *-yi* и аффикса орудного падежа *-bar/-ber*. В соответствии с правилами, эти аффиксы употребляются после основ, заканчивающихся на гласный [Санжеев 1964: 63–64], в этих же текстах данные аффиксы встречаются и после основ, заканчивающихся на согласный (например, *üiles-yi бүтүгегчи* ‘совершающий деяния’, *čečeg-üd-yi tariqu* ‘сажать цветы’, *erdenis-ber daruqu* ‘подчинить драгоценностями’, *ariki čai qoyar-bar dalalaju* ‘поманив водкой и чаем’).

Из особенностей синтаксиса рассмотрим порядок слов в текстах. Основное различие между тибетским и монгольским порядком слов заключается в позиции определения по отношению к определяемому слову в предложении. В тибетском языке определение находится в постпозиции к определяемому [Перих 1961: 112], в монгольском же определение всегда стоит перед определяемым [Орловская 1999: 55]. Переводчик данной версии придерживался дословного перевода, что привело к появлению в тексте не характерного для монгольского предложения порядка слов, например: *bi öberün jiryalangtu oron egüni orkiyad busud-yin jobalang-tai oron nigen-dür odqu kereg bolba* ‘я должен, покинув эту свою счастливую страну, отправиться в какую-то другую бедствующую страну’; *luusun qaṅan-ni iregülküi-yi medegči tarniči tere iregsen bayinam* ‘прибыл тот заклинатель, который знает, как привести [царя нагов]’. В рассматриваемых текстах довольно часто встречаются определения в постпозиции к определяемому: *tarniči tereber* ‘тот заклинатель’, *jīyasuči ijaṅur maṅu-tu* ‘[имеющий] плохое происхождение рыбака’, *dalai egüni* ‘этот океан’ и т. д.

Рассмотренные нами явления свидетельствуют о том, что данные тексты представляют собой перевод неизвестной тибетской версии «Повести о царевиче Манибадре (Норсане)». Этот перевод отличают некоторые неточности, что выражается в неправильном использовании формантов винительного и орудного падежей. Постпозиция определения и использование вспомогательных глаголов, не характерные для монгольского языка, свидетельствуют о стремлении переводчика к дословному переводу. Подобные исследования представляют интерес для монголоведения, поскольку дают информацию о разных техниках перевода с тибетского на монгольский язык.

Список условных сокращений

Монг. — монгольский; санскр. — санскритский; тиб. — тибетский.

Источники

ИЯЛ 3 — *Urīda bolson üges-ün tuuli čikin-ü čimeg neretü bodisadu qan Norson kiged ökin tngri Idbrogma-yin qarilčan ögüleksen ni eyimü bolai*. Рукопись на монгольском языке. Хранится в библиотеке Института языка и литературы АН Монголии. Без шифра. Пагинация отсутствует, 7 л. (неполный текст).
 МГБ 2 — *Urīda bolson üges-ün tuuli čikin-ü čimeg neretü bodisadu qan Norson kiged ökin tngri Idbrogma-yin qarilčan ögüleksen ni eyimü bolai*. Рукопись на монгольском языке, в составе сборника, лл. 9а–21а. Хранится в

Монгольской Государственной Библиотеке. Шифр 895.4, Н 749.5. 58x20 см. 113 с.

Литература

Дамдинсурэн Ц. Тэнгэрийн дагинын үлгэр // Монголын уран зохиолын тойм. Хоёрдугаар дэвтэр (XVII–XVIII зууны үе) / Ред. Ц. Дамдинсурэн. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1976. С. 411–484.
Мирзаева С. В. О круге монгольских и ойратских версий «Повести о царевиче Манибадре» // Монголоведение № 7. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 89–97.
Орловская М. Н. Язык монгольских текстов XIII–XIV вв. М.: Ин-т востоковед. РАН, 2000. 182 с.
Поппе Н. Н. Произведения народной словесности халха-монголов. Собр. Н. Н. Поппе. Северо-халхасское наречие. Л.: АН СССР и Гос. Ин-т Бур.-Монг. АССР, 1932. 168 с.
Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Петербург: Тип. В. Киришбаума, 1883. 540 с.
Рерих Ю. Н. Тибетский язык // Сер. «Языки народов Азии и Африки». М.: Изд-во вост. лит., 1961. 156 с.
Санжеев Г. Д. Дархатский говор и фольклор. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 112 с.
Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М.: Наука, 1964. 91 с.
Цендина А. Д. Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына» // *Mongolica–V*: Сб. ст. СПб.: Петербург. Востоковед., 2001. С. 54–74.